

УДК [101.1:316.27]:32.019/5

МАНИПУЛЯЦИЯ КАК ВИД УПРАВЛЕНИЯ

О.Н. Торгованова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья посвящена актуальной проблеме манипулирования. Автор пытается проанализировать существующие точки зрения по поводу манипулирования в психологическом, лингвистическом, социально-философском контекстах.

Ключевые слова: *манипулирование, власть, технология манипулирование, формирование общественного мнения, манипулирование сознанием.*

В исследовательской литературе понятие «манипуляции сознанием» появилось не так давно, лишь в конце прошлого века, и, с тех пор привлекает все большее и большее внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. В последние десятилетия мы стали свидетелями появления очень большого числа посвященных данной проблеме работ, исследовательских трудов и статей. Феномен манипуляции сознанием, особенно массовым сознанием, осмысливается в различных контекстах – философском, психологическом, филологическом, политическом и других. В настоящее время уже существуют исследования, посвященные анализу самого понятия «манипуляция», характерных черт этого явления, форм, соответствующих тому или иному историческому периоду. Среди российских авторов, чьи труды посвящены этой проблеме, можно выделить М.И. Бабюка, Ю.А. Грачева, С.Г. Кара-Мурзу, В.П. Пугачева, и других.

С.Г. Кара-Мурза, например, считает манипуляцию технологией господства, которая используется огромным количеством людей в силу их профессий и не зависящую ни от их нравственных идеалов, ни от идеологических воззрений, ни от вкусов и намерений, всепроникающую, и подавляющую, от которой ни один человек не может укрыться или защититься. Несмотря на то, что труд автора не позиционируется как научное исследование, не отметить его все же не представляется возможным, в силу как его значительной популярности, так и того факта, что именно Кара-Мурза описывает такие особенности манипуляции, как проникновение ее в любой коммуникативный процесс, ее вездесущность, универсальность и ее неизбежное присутствие в общественной жизни [8].

Манипуляция в его творчестве определяется как «программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции» [8, с. 16]. Автор обращается к метафоричности термина «манипуляция», вспоминает его первоначальный смысл, «ловкость рук», и это приводит его к еще одной призме рассмотрения этой категории, сквозь которую манипуляцией следует признавать лишь скрытное, ловкое управление.

Г. Грачев и И. Мельник, в свою очередь, тоже определяют манипуляцию именно как способ управления обществом, общественным сознанием, мнениями и настроениями людей, рассматривают ее как специфический, об-

щий, базовый подход к социальному управлению и взаимодействию, который предполагает активное использование манипуляторами средств и способов, призванных скрытно, неявно управлять людьми и принуждать их к определенным, заранее запланированным действиям. Рассматривая манипуляцию как психологический феномен, они анализируют манипуляционные практики в исторической перспективе, начиная со времен Древнего Китая, и отрицают идею о том, что манипуляция как технология управления общественным сознанием появилась лишь в Новое и Новейшее время. По мнению авторов, развитие манипуляционных технологий постоянно, сфера охвата ее непрерывно расширяется, и, если когда-то она существовала лишь в некоторых, ограниченных сферах человеческой жизни, таких как политика, дипломатия и военная сфера, то в дальнейшем она обрела индивидуальные, межличностные форматы и в настоящее время стала инструментом манипулирования огромными массами людей. В данном труде авторы приводят множество примеров манипулятивных технологий, начиная в древних культурах, и заканчивая современностью. Само понятие манипуляции рассматривается авторами как специфический подход к управлению обществом и взаимодействию с ним, как скрытое принуждение, предполагающее существование большого числа разнообразных способов неявного, скрытого принуждения членов общества к тому или иному, выгодному манипуляторам поведению. Также манипуляция здесь рассматривается и как вид психологического воздействия, а также как обозначение тех или иных организационных способов, методов и приемов психологического влияния на личность и сознание человека. Авторы относят манипуляцию к сфере «информационно-психологического воздействия» и считают ее специфическим видом управления массами [5].

М.И. Бабюк исследует феномен манипуляции в социально-философском контексте, и определяет ее как определенный вид общественного взаимодействия, сложившийся в определенных исторических реалиях и детерминированный ими, который характеризуется тем, что один из субъектов подвергается «психическому воздействию», в результате которого он становится уже объектом, действия, поведение, потребности и желания которого определяются особенностями манипулятивного воздействия. Поведение человека, подвергшегося манипуляции, становится таким, каковое выгодно и необходимо манипулятору [1].

В трудах В.В. Пугачева манипуляция рассматривается в двух аспектах. Автор предлагает два толкования этого понятия, в более широком, и в более узком значении. Манипуляцией в широком смысле, по его мнению, можно считать такое «...воздействие, влияние на общество (индивида, группу), при котором манипулирующие исходят из скрытых целей, которые кардинально отличаются от официально декларируемых» [10, с. 85]. Другой, узкий смысл этого понятия исследователь рассматривает как скрытое, неявное воздействие на психику и поведение манипулируемого при помощи средств массовой информации, изменения самой ситуации, в которой тот существует, мнения окружающих людей и так далее. Важной особенностью такого понимания манипуляции является то, что в результате манипулятивного воздействия, объект манипуляции действует или бездействует в направлении, противоположном его собственным желаниям и интересам, и, зачастую, вопреки таковым. Еще одной особенностью этого вида манипуляции является его сознательное приме-

нение манипулятором и целенаправленность такого воздействия. В качестве примера реализации этой модели автор рассматривает предвыборные кампании в современной России [10, с. 101].

Как мы видим, исследователи данной проблематики считают манипуляцию разновидностью социального управления, и рассматривают ее как исторически детерминированный феномен, видоизменяющийся в тех или иных исторических условиях. Однако, в пространстве изучения этого явления в настоящее время ощущается нехватка аналитических трудов, посвященных трансформации манипуляции в зависимости от исторического контекста и ее социальных оснований. В настоящее время лишь немногие авторы предпринимают попытку описать манипуляцию массовым сознанием во всей ее многогранности, исследовать генезис этого феномена, и его историческую обусловленность. У такого положения дел есть свои причины.

При всем многообразии частных трактовок определения манипуляции, на данный момент научное сообщество даже не приблизилось к созданию единого семиотического поля «манипуляции», единого понятия, и единообразных коннотаций, как чувственных, так и рациональных.

Интересно, что в специализированных словарях в области гуманитарных наук отсутствует понятие «манипуляция». Описания этого термина нет ни в современных психологических словарях, ни в философских, социологических или политологических. Возможно, это положение вещей объясняется тем, что манипуляцию принято воспринимать как метафору, и потому это понятие считается неприменимым к сфере общественной жизни, и, вероятно, именно поэтому данный термин все еще не вошел окончательно в категориальную систему социальных наук.

Попробуем проследить историю понимания термина «манипуляция». В энциклопедическом словаре манипуляцией называют «сложный прием, сложное действие над чем-либо при работе руками; совершаемое с какой-либо целью или показ, фокусов, основанных на ловкости рук, на быстроте и точности движений кистей и пальцев» [18, с. 163]. Следовательно, мы можем говорить о том, что в своем первоначальном значении манипуляция (от лат. *manipulus* – пригоршня, горсть) воспринималась лишь как сложное, ловкое действие, направленное на вещи или предметы, и окраску этот термин имел совершенно нейтральную. Впрочем, этот термин и сейчас сохраняет такое свое значение в определенных специализированных сферах жизни, медицинской, к примеру, или экономической.

Но, помимо буквального смысла данного понятия, существуют и переносные его значения, и тогда манипуляция уже воспринимается как махинация, ловкая проделка. Большой толковый словарь определяет манипуляцию как «способ, прием, действие, и т. п., служащие для достижения каких-либо целей; путем представления кого-либо, чего-либо в искаженном виде» [17]. Именно это определение кажется нам наиболее приближенным к определению тех форм, в которых манипуляция представлена в социальной и индивидуальной человеческой жизни.

В словаре по социологии этот термин рассматривается как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характер поведения; которое он от них ожидает» [19].

Следует отметить, что недостаток аналитической научной литературы, посвященной манипуляции сознанием, очень быстро восполняется авторскими точками зрения, хотя и не всегда отвечающими всем требованиям к научному знанию. Зачастую в таких трудах смысловая нагрузка понятия «манипуляция» определяется крайне расплывчато, и нередко авторы противоречат друг другу.

Попытка объединить разнообразные точки зрения на феномен манипуляции была предпринята Е.Л. Доценко, который приводит одиннадцать различных определений манипуляции, проводит их качественный анализ, и, на его основе предлагает свое собственное определение. По его мнению, «манипуляция является видом скрытого психологического воздействия, ведущего к возникновению у человека намерений, не соответствующих его актуальным желаниям» [6].

В творчестве Г. Шиллера манипуляция рассматривается как «неявное принуждение, формирующее у человека определенные мысли, чувства, намерения, отношения и установки» [13].

Р. Гудин исходит из трактовки манипуляции как скрытого применения власти, вступающего в противоречие с актуально существующей волей человека [15, с. 8]. У. Рикер раскрывает значение этого термина как разновидность структурирования реальности, выгодное проводнику манипуляции [16].

В трудах Э. Шострома манипуляция предстает перед нами как «сценарий» (в бернианском смысле этого слова), который можно рассматривать как периодически повторяющуюся вариацию «игры», определенный алгоритм, шаблон, характеризующий особенности взаимодействия человека с другими, сложившиеся на протяжении его жизни [14].

Как уже было отмечено выше, в определении смысла феномена «манипуляции» отсутствует единая позиция, как и в описании организации его структуры, его особенностей, места в системе социальной жизни. Однако мы можем выявить несколько научных традиций, в контексте которых определяется, в том или ином варианте, данный концепт.

Первым, и самым, пожалуй, распространенным среди исследователей этой проблемы, является эмпирический подход. Приверженцы эмпирического изучения манипуляции анализируют ее в контексте «практических» областей человеческой жизни, таких, как реклама, маркетинг, риторика, деловые переговоры и так далее. В таком смысле, манипуляция исследуется как часть коммуникативной практики, прикладной и практический способ ее реализации. В данных работах эмоциональная оценка процесса манипуляции исключительно негативна, хотя никто из авторов не отрицает ее очевидной эффективности.

Вторым подходом, в русле которого происходит изучение манипуляции, является психологическое. Ключевые для этого направления авторы – Р.Р. Гарифуллин, Е.Л. Доценко, С.А. Зелинский, Э. Шостром, Г. Шиллер. Все эти авторы исходят из того, что операционной базой для манипуляции является именно психика человека. В настоящее время именно это направление исследования манипуляции является наиболее признанным профессиональным научным сообществом. Создана так называемая «теория манипуляции», где та рассматривает в контексте психологических процессов – личностных и социальных, и где, в основном, мы можем видеть так называемый психологический редукционизм, в рамках которого феномен манипуляции рассматривается

только как психологический, возникающий и функционирующий только в границах психики человека.

С.Г. Зелинский обозначает как манипуляцию все психиатрические и все психологические дисциплины. Реализация манипуляции представляется ему имеющей основание в самой структуре психики человека, а именно в области бессознательного, которое определяет особенности функционирования его сознания и поведения. По его мнению, манипулятивное воздействие, несмотря на то, что направлено оно на сознание, действует прежде всего на бессознательное. Массы автор также рассматривает как объект манипуляции в силу существования у них коллективного бессознательного. Те установки, которые посредством манипуляции внедряются в бессознательное, в дальнейшем проявляются в поведении и влияют на сознание [7].

Отдельного интереса заслуживает точка зрения Р.Р. Гарифуллина на феномен самоманипуляции, под которым автор имеет в виду самообман, своеобразный «подлог», замену настоящего Я на иллюзорное, конструирование иллюзий самим человеком. Целью такого самообмана является выживание, именно он позволяет сохранить целостность личности в сложной для нее ситуации [4].

Следующим направлением, в рамках которого анализируется феномен манипуляции, является политологический дискурс. В рамках этого вектора изучения манипуляции можно отметить таких авторов, как Р. Гудин, У. Рикер [15; 16].

Также заслуживает внимания точка зрения С.Н. Бледного, использующего в своей аналитике термин «манипулятивное управление», близкий по смыслу к понятию макиавеллизма. По его мнению, возможности манипуляции по сравнению с политическим управлением значительно ограничены, поскольку процесс политического управления шире, а манипулятивное управление является лишь его частью. Манипуляцию С.Н. Бледный рассматривает в качестве определенной формы управления процессами в политике. Как утверждает исследователь, манипуляция появляется вместе с появлением толпы, которая становится ее объектом. Помимо уже сказанного, автор также указывает на важность наличия в обществе «заразительных идей и мыслей», которое оказывается совершенно необходимым для реализации манипулятивного давления, и в то же время, достаточным его условием. Актуализирующаяся идеографическая функция языка также, по мнению ученого, непосредственно связана с манипулятивным управлением [2]. И, хотя работа С.Н. Бледного, несомненно, заслуживает внимания и высокой оценки, в то же время такая близость понятий манипуляции и макиавеллизма кажется несколько преувеличенной. Политические процессы – не единственные, в рамках которых можно увидеть реализацию манипулятивного воздействия. Кроме того, макиавеллизм подразумевает аморальную, неправовую составляющую, реализацию принципа «цель оправдывает средства». Но манипуляции вполне могут осуществляться в рамках правового поля и существующих на данный момент моральных и нравственных социальных установок.

Еще одним, четвертым направлением исследований, в рамках которых рассматривается манипуляция, становится лингвистика. В настоящее время на свет появляется все большее количество работ, посвященных изучению функций, основных особенностей и роли языка в структуре манипулятивных тех-

нологий и практик. Язык в данном случае является одним из субстанциональных факторов осуществления манипуляций.

В русле социально-философского анализа коннотации исследуемого нами термина связаны с неясностью, господством, скрытностью и принуждением, диффузностью, иррациональностью, безличностью, и, конечно, властью; и относятся все эти значения к содержанию концепта «манипуляция». Если рассматривать манипуляцию как возникающую с появлением человека и социума, то ее можно определить как определенный вид социального регулирования, одну из форм управления обществом, присущим социальной системе изначально. В качестве социальной основы манипулятивного воздействия на сознание становится, в таком случае, власть, а манипуляция становится технологией власти. Такая точка зрения распространена в философской литературе. Однако, возникает вопрос определения термина «власть».

Вполне адекватным пониманию феномена манипуляции нам представляется позиция М. Фуко. По мнению Фуко, власть – это универсальное явление, нуждающееся в знании для поддержания своего существования и функционирования. Автор указывает на единство власти и знания, их общую концептуальную основу [11, с. 78].

Фуко позиционирует разум и безумие диалектически, по его мнению, в манипулятивном процессе именно безумие (беспорядок, ничто, пустота) превращается в субъект речи. Власть-знание, соответственно, отражает это единство безумия и разума, где обезличенный разум развивается как сам-для-себя-сущий, способный к самопознанию из иного, противоположного себе и опредмеченного безумия. В рамках единства и борьбы этих противоположностей безумие вечно «возвращается», и в борьбе за возвращение приходит к критике разума, свободы, сопротивляется норме и контролю, и в конце концов оказывается инструментом принудительного уравнивания поведенческих стратегий, навязывая их определенные формы. Власть-знание настоятельно пытается привести отдельного индивида к некой усредненной «норме», адаптировать его к ней. Таким образом, и отдельный индивид, и общность, масса определяются работой власти, создаются ей. А поскольку власть-знание тотальна, то она проникает повсюду, во все сферы жизни человека, в семью и церковь, в школы и в фабрики, в правительственные структуры и повседневный быт, в средства массовой информации и в казармы, вторгается в сферы, ранее считавшиеся интимными, вмешивается в рекомендации общества самому себе по воспитанию потомства полезным привычкам, охране здоровья и половой жизни, моделирует индивида и подгоняет его под определенные стандарты. Это происходит с помощью таких социальных институтов, как семья, церковь, школа и т. п. Контроль и нормирование реализуются властью в дисциплинарной форме – при помощи экзаменов, тестов, неявной конкуренции, видеонаблюдения и записи звонков.

Фуко пишет о необходимости возвращения к функциональной оценке власти-знания вместо дескриптивной, так как все системы, используемые этой властью в рамках гуманитарных наук (такие как медицина, лингвистика, философия) априорно рассматривают человека как объект, нуждающийся в управлении и исправлении. Фуко определяет «власть-знание» как особое связующее звено для различных институтов, а, следовательно, как функцию. И если рассматривать ее как функцию, то общество будет представляться нам в

качестве социального целого, функционирующего и воспроизводящего самоё себя, ориентированного на собственную необходимую функциональную и универсальную стабильность, и распределяющего отдельных людей сообразно статусной иерархии их функций. Фуко первый, кто отказался рассматривать власть как присвоение, и предложивший рассматривать ее как стратегию со своей тактикой и маневрами, своими стратегическими позициями. Социальные конфликты любого характера в таком случае являются дисфункциями, сражающимися с механизмами, господствующими в системе. Это, по утверждению автора, подтверждается всей человеческой историей, на протяжении которой социум ведет борьбу с любыми формами девиантного поведения, и пытается, напротив, адаптировать людей к «правилам», нормам и обычаям. Для повиновения индивидов общество создает некий регламентирующий разум, который гарантирует повиновение людей, создавая закрытое пространство ранжирования. Власть, в свою очередь, диффузна, она вообще никак не локализована, всепроникающа, и у нее нет никакой четкой структуры. Всё это дает ей способность встраиваться в любые общественные институты, где она может провоцировать напряженность, если ей это выгодно, или нейтрализовать ее, породить и гасить сопротивление внутри системы [12, с. 230].

Кажется важным также указать на преобладание в политологической, а также в социологической научной литературе реляционно-деятельностной модели власти, которая была предложена К. Марксом и получила развитие в творчестве М. Вебера. Власть в этом ракурсе представляется как субъект-объектное соотношение подчинения и господства, которая может носить как принудительный, так и вполне добровольный характер, и которая реализуется в социальном действии. С помощью государства и права, социальных институтов власть в индустриальном обществе становится формализованным господством. При помощи таких социальных субъектов, как социальные группы, общности людей и отдельные индивиды, а также государственных норм, правовых отношений и так далее власть способна подчинять других субъектов своей воле.

В концепции М. Вебера власть представляет собой прежде всего господство, ее источником являются мотивы подчинения объекта власти ее субъекту, а методами становятся принуждение, сила, авторитет и, конечно, манипуляция [3, с. 50]. Если исходить из веберовского понимания власти, манипуляция естественным образом будет являться целенаправленной и сознательной, имеющей целью воздействие на сознание человека и его поведение с помощью доступных ей методов, таких как пропаганда, пиар, реклама и политтехнологии.

В таком ракурсе становится затруднительным давать моральную оценку феномену манипуляции, поскольку мы уже не можем рассматривать ее лишь как искусственную форму деятельности в социальном пространстве, она оказывается в то же время необходимым условием самого существования социума. Несмотря на скрытность и завуалированность манипуляции, ее тонкость, продуманность и рассчитанность, мы все же можем ее обнаружить, поскольку проявляет себя она во вполне физической природе как технология власти, подчинения и господства.

Реализация власти как стратегии воздействия с помощью определенных механизмов, маневров и тактик проявляется в широком спектре манипу-

лятивных воздействий на сознание. В узком смысле слова эти манипулятивные действия и есть манипуляция. Именно этот ракурс рассмотрения был избран в подавляющем большинстве психологических и политологических научных трудов.

В широком же смысле понимания этого термина, манипуляция оказывается тесно связанной с властью как функцией, имеющей целью стабильность социального порядка и социокультурную идентичность системы. Универсальность власти в таком ключе определяется ее функционированием через нормативность культуры.

Но какой бы вариант понимания власти мы не выбрали, воспринимаем ли мы ее как силу и мощь, как насилие и надзор, мы всегда подразумеваем, что речь идет о механизмах ее реализации. И тогда становится ясным стремление власти к осуществлению максимально эффективного контроля. В пространстве власти пересекаются множество дискурсов – правовой, моральный, психологический, лингвистический и др. Реализация нормативных стандартов, адекватная мотивационная деятельность тех, кто является объектами власти, направленная на подчинение и конформность, обеспечивает социальный порядок. В утилитарном отношении целью власти становится принудительная стандартизация индивидов. М. Фуко связывает власть с вполне конкретным типом индивидуальности, который та навязывает индивидам, к которой их принуждает [11, с. 69].

И манипуляция и любой социальный контроль обеспечивают воспроизводство господствующего типа социальных отношений, стабилизируют их и охраняют. В таком широком понимании феномена манипуляции индивид как субъект манипуляции оказывается в поле многообразия властных отношений. Таким образом, манипуляция в широком смысле этого слова представляет собой такой способ управления сознанием индивидов, который является неотъемлемой частью нормативной регуляции, что, в свою очередь, трансформирует ценности и смыслы в социуме таким образом, чтобы вести к социально-адаптированному поведению каждого индивида. Порожденные тем самым поведенческие стереотипы являются частью нормативной регуляции и вынуждают объектов манипулирования вести себя так, чтобы их поведение было выгодно обществу в целом и, в то же время, обеспечивало сохранность их собственной идентичности, сопричастности их социуму.

Нормативность присуща не только материальной, но и духовной сферам жизни, и это тесно связывает ценности и нормы. Нормативные стандарты, реализуясь в практике, позволяют социальной системе сохранить идентичность. Культура, а именно ее нормативный аспект, обеспечивает управление и функционирование власти. В контексте власти как функции, манипуляция является функциональной характеристикой социальной системы. Если мы воспринимаем феномен манипуляции именно таким образом, то будем вынуждены расценивать ее как неизбежного, обязательного спутника человеческой цивилизации, существующего на всем протяжении человеческой истории, являющегося формой существования власти и теснейшим образом с ней связанного. Так в работе В.Г. Ледаева, «...власть классифицируется на основании ее источника, а также исходя из мотивов, которыми руководствуется подчиняющийся объект, и относит манипуляцию к одному из типов власти» [9, с. 6–19].

Список литературы

1. Бабюк М.И. Социальная манипуляция (Философский анализ): дисс. ... канд. филос. наук. Москва, 2004. 125 с.
2. Бледный С.Н. Язык как фактор манипулятивного управления массовым сознанием в социальной философии А.А. Богданова // Вестник Московского университета. Сер. 7 Философия. 2004. № 3. С. 86–97/
3. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. С. 46–59.
4. Гарифуллин Р.Р. Психология манипуляции [Электронный ресурс] URL:<http://psyfactor.org/lib/garifullin25-2.htm> (дата обращения 27.10.2017).
5. Грачев, Г.В., Мельник, И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Институт философии РАН, 1999. 235 с.
6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М.: Изд. МГУ, 1997. 344 с.
7. Зелинский С.А. Современные психотехнологии манипулирования: в 2 т. [Электронный ресурс] URL: <http://i.сергейзелинский.рф/u/47/978e74e75511e4ab0b843f68ab835f/-/С.А.Зелинский%2С%20Современ.манип.Т.2.%282009-%29.pdf> (дата обращения 28.10.2017).
8. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000. 688 с.
9. Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.
10. Пугачев В.П. Технологии скрытого управления в современной российской политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2003. №3. С. 66–102.
11. Фуко М. Интеллектуалы и власть // Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 66–81.
12. Фуко М. Око власти // Интеллектуалы и власть: Избр. политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. С. 220–249.
13. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / пер. с англ.; науч. ред. Я. Н. Засурский. М.: Мысль, 1980. 326 с.
14. Шостром Э. Человек-манипулятор [Электронный ресурс] URL: <http://e-libra.su/books/104096-chelovek-manipulyator.html> (дата обращения 28.10.2017).
15. Goodin R. Manipulatory Politics. New Haven; London: Yale University Press, 1980. 250 p.
16. Riker W.H. The Art of Political Manipulation. New Haven: Yale University Press, 1986. 152 p.
17. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

18. Политология. Энциклопедический словарь / под ред. М.И. Аверьянова. М.: Изд. МКУ, 1993. 431 с.
19. A Modern Dictionary Of Sociology / by George A. Theodorson. New York: Crowell, 1969. 469 p.

MANIPULATION AS A KIND OF MANAGEMENT

O.N. Torgovanova

Tver State Technical University, Tver

This article is aimed at the analysis of manipulation as a kind management. Various approaches to manipulation existing in psychology, linguistics, and social philosophy are analyzed in order to work out a comprehensive view of this phenomenon.

Keywords: manipulation, power, technology of manipulation, forming public opinion, political spin machines.

Об авторе:

ТОРГОВАНОВА Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: sbornik.tstu@mail.ru

Author information:

TORGOVANOVA Olga Nikolaevna – Senior Lecturer, Department of Foreign Languages of Tver State Technical University, Tver. E-mail: sbornik.tstu@mail.ru